

МУРЗИЛКА

ISSN 032-1943

МБН
ОКТА
"ЧТОБ"

ПЕСЕНКА РОБИНЗОНОВ

Юрий МОГУТИН

Июль запутался в траве,
Орут скворцы горластые,
В лесной загадочной стране
Блуждает лето красное.

Стрекозы жадно пьют росу,
Блестя глазами сонными.
Себя мы чувствуем в лесу
Лесными Робинзонами.

Себя мы чувствуем в лесах
Почти первопроходцами,
И так порою в трёх соснах
Нам заблудиться хочется!

Тут найден первый боровик,
Здесь гроздь лесной смородины...
Светла, прозрачна, как родник,
Моя лесная Родина.

Июль запутался в траве,
Орут скворцы горластые,
В лесной загадочной стране
Блуждает лето красное.

Рис. Н. ВОРОНКОВА

© «Мурзилка», 1987 г.

Walt Disney

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Сергей МИХАЛКОВ

Я делал всё по чертежам,
Заглядывал в журнал,
И я работал только сам —
Я помощи не знал.

Так появился Змей на свет
Из дома моего.
Мой друг сказал: «Такого нет
Нигде! Ни у кого!»

Лиловый нос, багровый рот,
Из ниток борода,
И всё же вовсе не урод,
А просто хоть куда!

Мы Змея вынесли на луг.
В то утро ветер был,
И здесь он вырвался из рук
И над землёю взмыл.

Своим трепещущим хвостом
Он распугал ворон,
Как видно, чувствуя притом,
Что на свободе он.

Змей был над нами высоко,
А мы вдвоём под ним,
Но удивительно легко
Мы управляли им.

Он так и рвался в облака,
Чтоб скрыться в облаках,
Но мы-то знали: нить крепка
И Змей у нас в руках!

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

С. ПОЛЕТАЕВ

По пятницам, как только начинало вечереть, ребята отправлялись к разъезду — встречать своих отцов. Те работали в районном центре и возвращались домой на выходные дни.

Вот и сегодня ребята, собравшись в путь, сбились в команду, пересчитались: все на месте, а Нюрки нет!

— Где же она?

Нюркина изба крайняя. Подошли к ней, смотрят — на старой яблоне Кузя сидит. Упёрся ногами в ветку и глядит в алюминиевую трубку, как в подозрительную трубу. Вот это да!

— Ты кого это, Кузя, выглядываешь?

— Папку! Кого ещё!

— Так папка твой ещё не приехал. Мы как раз встречать идём. А где Нюрка?

— У мамки на ферме, где же ещё! А я вместо неё пойду, — сказал Кузя, слез на землю и бережно уложил трубку за пазуху.

— Маленький ты ещё — потеряешься.

— Не потеряюсь, — пообещал он. — Я буду идти в самой серёдке.

— А как речку-то перейдёшь? Там кладка скользкая — упадёшь. Хоть по-лягушачьи плавать умеешь?

Плавать Кузя не умел ни по-лягушачьи, ни по-собачьи.

— Ну тогда я вас у речки обожду.

— Один останешься, а тебя волк споет.

— А я его палкой...

— Э, глупый ты ещё!

— И совсем не глупый. Сам папка сказал: приходи встречать.

Тут откуда ни возьмись Нюрка! Нарядная, в цветастом платочке, с мамкиной брошкой на кофте. Узнала, о чём разговор, накинулась на Кузю:

— Ах ты! И про ферму, и про папку набрехал! Когда это он тебя звал?

Затолкала Кузю в избу, закрыла дверь на щеколду и с ребятами — в путь!

Кузя достал из шкафа свою почти новенькую фуражку с лаковым козырьком, надел её и вылез в окно. Он постоял, глядя на уходящих ребят, и пошёл за ними — сперва вразвалочку, а потом всё быстрее. Ребята оглядывались на Кузю, но не ругались, вроде бы даже не узнавали. Кузя сразу смекнул: из-за фуражки! Отец подарил её на Кузин день рождения, приколот к ней значок и сказал: «Теперь ты железнодорожник!» А железнодорожника небось не прогонят!

На косогоре ребята сбились в кучку и о чём-то стали совещаться. Кузя осмелел, поправил фуражку и догнал их.

— Это кто же такой?

— Ой, Кузя, ты, что ли? А мы тебя и не узнали.

— Ишь ты, фуражка знатная какая!

Нюрка потрепала его по щеке, сняла с него фуражку и примерила поверх платочка. «Не иначе поносить захотела, — подумал Кузя, — хотя она никакой не железнодорожник, как мы с батей».

— Поноси немного, а потом отдашь, — разрешил Кузя.

— Вот спасибо! — обрадовалась Нюрка и подкинула фуражку вверх.

Фуражка вспорхнула, как птица, потом Нюрка её снова вверх, и так до тех

пор, пока та не зацепилась за ветку берёзы.

— Мотай домой скорее, а то мамка заругается! — крикнула Нюрка и пихнула Кузю. — Обрато пойдём, принесём твою фуражку.

Ребята посмеялись и побежали дальше, а Кузя остался стоять под берёзой и ждал: может, фуражка сама упадёт? Но фуражка не падала. Тогда он обхватил берёзу и стал раскачивать её. Фуражка, кажется, ещё прочнее уселась. Что же делать? Кузя стал карабкаться вверх по дереву, добрался до нижней ветки и склонился вместе с берёзой до самой земли. «Ещё сломается», — подумал он и слез.

— Ничо! Никуда не улетит! — сказал он про фуражку и побежал к лесу, где скрылись ребята.

В лесу было темно, и Кузе стало страшно. Он хотел покричать Нюрку, но вдруг из низины наплыли голоса:

— Васька, сюда!

— Там глыбота!

— А я пойду по кладке!

— Гляди, оскользнёшься!

Пока Кузя добежал до речки, ребята голоса перебрались на другой берег, поднялись на горку, опустились вниз и затихли. Кузя достал из-за пазухи свою подзорную алюминиевую трубку, покрутил её перед глазами и так и этак — никого не видать!

— Нюрка-а-а! Нью-ю-юр! — покричал он.

Но речка проглотила его слова. После недавних дождей она торопилась и бурно шелестела о мостик из тонких осинок. Кузя спрятал трубку, ступил в воду и тут же подался обратно. И снова покричал. Но из-за шума сам себя не расслышал. Чем больше он топтался на берегу, тем сильнее сердилась речка, словно только ждала, когда он оступится, чтобы утянуть его на дно.

— А ничо! — сказал вслух Кузя. — Я их здесь покараулю!

Сказал и успокоился. И перестал бояться речки. Теперь это была уже не грозная река, а ручей с камешками на дне. Кузя бесстрашно ступил на мостик — шаг, ещё шаг — и перебрался на другой берег. А дальше дорога сама побежала навстречу, лес расступился, открылось поле, а из-за бугра вдруг выскочил разъезд.

Кузя увидел Нюрку и остальных ребят и решил подобраться к разъезду с другой стороны. Выбрал место хорошее, на краю насыпи — далеко видать.

— Третий вагон здесь остановится!

— Нет, здесь!

— А мой папка с диспетчером приятель!

— А мой — сцепщик на горке, его сам начальник знает. У него даже медаль почётная есть.

— А у моего — орден, а я и то не хвастаюсь.

Ребята спорили, кто важнее да кто главнее, и так получалось, что и сцепщик, и слесарь, и смазчик, каждый из них и есть самый важный человек на железной дороге. Только Кузя не был согласен. Самый главный человек на железной дороге его папанька, потому что он не смазчик, не сцепщик, а железнодорожник. И его сам машинист дядя Ваня знает, за руку здоровается, а машинист важнее всяких начальников.

— Идёт!

— Идёт!

Вдали засверкала звездочка. Она плыла, приближаясь к разъезду, а потом разделилась на два огненных глаза. И сразу же застучали рельсы: стук-перестук, стук-перестук! Поезд заскрипел тормозами и остановился, осветив окнами замёрзших ребят.

— Димка, сынок!

— Па, где ты?

Рис. В. ЧАПЛИ

